

АЛЕКСАНДР АДАБАШЬЯН:

Я заболел оперой

В Мариинском — еще одна премьера. "Борис Годунов" в авторской редакции. Прежде чем отправиться на Равеннский фестиваль в Италию, куда спектакль был "сосватан" задолго до своего рождения, он предстал перед петербургской публикой. Всего один раз. Но еще до открытия занавеса явился первый сюрприз. Вместо Валерия Фокина, изначально объявленного режиссером-постановщиком спектакля, на афише значилось — Александр АДАБАШЬЯН.

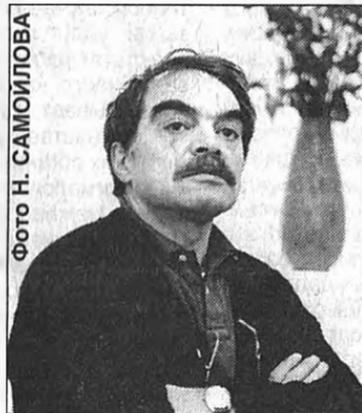

ФОТО Н. САМОЙЛОВА

Александр Артемович, вы человек кино — художник, режиссер, сценарист. И вдруг опера, Мариинский театр. Как это произошло?

— Случайно. Я был в Риме на репетиции у Башмета и Гергиева. Тогда мы с Валерой и познакомились. Он рассказал, что заявлен новый "Борис", но в силу форс-мажорных обстоятельств проект под угрозой срыва, и предложил мне, если есть реальная возмож-

ность, что-то придумать... Разговор был 25 мая. 7 июня я прилетел из Италии, а 8-го мы с художником Игорем Макаровым были уже в Питере.

— В связи с этим два вопроса. Первый — как вы до этого относились к опере вообще?

— С огромным пиететом. Она предполагает наличие ремесла как Абсолюта, существующего вне зависимости от режиссуры или сценографии. Здесь, если не работаешь в поте лица — не живешь. В отличие от драматичес-

кого театра, где можно быть расхлябанным и всю жизнь прикрывать отсутствие ремесла некой манеркой.

— Второй вопрос: Игорь Макаров — это был ваш выбор?

— Да. Я понимал, что в подобных обстоятельствах самому выступить в роли и режиссера, и сценографа практически невозможно. А с Игорем мы знакомы 30 с лишним лет (вместе учились еще в Строгановском) и абсолютно уверены друг в друге. У него колоссальный опыт работы в драматическом театре и на телевидении, в частности, эйфмановские балеты и "Бенефисы" Гинзбурга шли в его оформлении. Он знаком с музыкальной драматургией, и умеет работать в экстремальных ситуациях.

— Как я понимаю, "Борис" именно в такой ситуации и делался — вы приехали в Питер 8 июня, а премьера состоялась 20-го?

— Меньше всего мне хотелось бы, чтобы фокусировали внимание на сроках. Дело не в 12 днях. Будь у нас хоть 120, концепция была бы та же, и эта концепция не "аварийная", а принципиальная. К тому же Мариинский театр располагает силами, которые позволяют и в кратчайшие сроки сделать максимально качественный спектакль. Потрясающе сра-

ботала постановочная часть — декорации были готовы за 4 дня. Потрясающе работали хор, манс. Были замечательные солисты, пришедшие с уже выученными партиями... Хотя в этом была и своя оборотная сторона. Готовая партия — готовые штампы и привычки, в частности, привычка играть так, чтобы все было "как в жизни". А опера не имеет ничего общего с реальностью. Это надо было ломать.

— Сейчас, после первой столь близкой встречи с оперой, вы говорите себе: "Все! Больше никогда" — или она вас затянула?

— Затянула, причем глубоко и серьезно. Последнее время я что-то писал для кино — французского, итальянского, российского. Все это как будто нужно, но на все это нет денег. Тихая заводь. И вдруг — попасть в другое, живое дело, а театр в Питере живой, работа кипит. Совсем другая атмосфера! Сейчас предстоит "прилаживать" спектакль к сцене в Равенне, работать с рядом новых исполнителей — я с удовольствием думаю об этом. Очень хочется еще погрузиться в спектакль. И скажу больше — хочу сделать Гергиеву перспективные, как мне кажется, предложения на будущее.

**Беседу вела
Лариса ДОЛГАЧЕВА**